

И.Б. Ничипоров (Москва, Россия)

Война в звучании детских голосов: «Последние свидетели (соло для детского голоса)» Светланы Алексиевич

Аннотация: Статья посвящена книге Светланы Алексиевич «Последние свидетели (соло для детского голоса)» (1985) как явлению документально-художественной прозы. Рассмотрены персонажный мир, композиция, стиль произведения, охарактеризованы принципы литературного освещения исторического материала – войны и послевоенной действительности – на пересечении детского и взрослого восприятий.

Ключевые слова: С. Алексиевич, литература о войне, документально-художественная проза, тема детства

I.B. Nichporov (Moscow, Russia)

War-sound in Children’s Voices: “Last Witnesses (Solo for Children’s Voice)” of Svetlana Alexievich

Abstract: The article is devoted to the book by Svetlana Alexievich “Last Witnesses (solo for child’s voice)” (1985) as a phenomenon of documentary fiction. The author considers the character world, composition, and style of the work, and describes the principles of literary coverage of historical material – war and post-war reality – at the intercrossing of child’s and adult’s perception.

Key words: Svetlana Alexievich, literature about the war, documentary fiction, the theme of childhood

Документально-художественная проза С. Алексиевич основана на разноголосых свидетельствах о болевых точках исторического пути середины и второй половины XX в. – от войны до Афганистана, Чернобыля и постсоветских ментальных и общественно-политических трансформаций («У войны не женское лицо», «Последние свидетели», «Цинковые мальчишки», «Зачарованные смертью», «Чернобыльская молитва», «Время сэконд хэнд»). Если в книге «У войны не женское лицо» (1985) повествователь выступает в качестве непосредственного собеседника «военных девчонок 41-го года» и пишет их «синтетическую биографию»¹, то в параллельно

---

¹ Латкина Т.В. К вопросу об определении жанра произведения Светланы Алексиевич «У войны не женское лицо» // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2 (часть 1): science-education.ru/ru/article/view?id=20682 (дата обращения: 17.03.2020).

создававшихся «Последних свидетелях» (1985) звучат голоса «детей войны» – персонажей, которые в эти годы лишь начинали свой жизненный путь и впоследствии поделились воспоминаниями о пережитом. Здесь, «не решаясь комментировать рассказы детей о войне, автор вообще умалчивает – только в самом начале берет слово, чтобы объяснить замысел... ни словом не прерывает исповедей. Тут как бы говорит “сама реальность”»¹. «Цитатные» названия глав указывают в первую очередь не на авторскую обработку услышанного, а на идущие от многочисленных рассказчиков *концентрированные, местами отточенные до афоризма речевые отражения событий и переживаний военных и послевоенных лет*: «Только мамин крик слышала...», «Мы играли, а солдаты плакали...», «Домик, не гори...», «Она пришла в белом халате, как мама...», «А белый свет – ненаглядный...», «Не отдавай чужому дяде папин костюм...», «Всем хотелось поцеловать слово “победа”...» и др.

Композиция произведения подчинена соотношению детских впечатлений персонажей от войны и их позднейшей вербализации. Предваряющие каждую главу сведения о рассказчике, его возрасте на момент войны и сегодняшней профессии («Женя Белькевич – 6 лет. Сейчас – рабочая», «Наташа Голик – 5 лет. Сейчас – корректор» и т. д.) формируют атмосферу напряженного взаимодействия «тогда» и «теперь», выдвигают в качестве предмета художественного созерцания частное и историческое время – неустанно изменяющееся, но и прочно оседающее в памяти.

Сквозным сюжетом воспоминаний становятся ближайшее преддверие и начало войны, растянувшееся на десятилетия вглядывание в непостижимый водораздел мирной жизни и случившейся катастрофы. Во многих историях рисуются последние перед войной домашние сцены, из психологических, чувственных ассоциаций складывается живое свидетельство о начальном осознании происходящего: «Последнее, что я запомнила из мирной жизни... я была совсем маленькая, но мне кажется, я знавала... война – это когда нет папы... так и связалось у меня в памяти... разобрали нас по хатам чужие люди... а потом помню: черное небо и черный самолет... немецкие бомбы летели с каким-то звоном, с воем... утро первого дня войны... запомнил свои чувства... страх, который расползлся по всему телу... всю ночь гудели трубы на окраинах Минска... не хочется верить... а потом вспоминаю – война»².

Дух несвободной эпохи ощущался в том, что говорившие о войне «боялись, чтобы их не назвали провокаторами... а это страшнее войны». Попытки сознания ухватиться за исчезающие на глазах приметы довоенного быта, вроде цветов на окнах, «продлить» «последнюю ночь», «последний вечер без войны» выводили к онтологически насыщенному осмыслению «отмененных» войной времени и пространства: «22 июня... должно было праздноваться открытие Комсомольского озера... место, где несколько дней назад стоял наш дом... даже от столетних лип ничего не осталось... исчезли все краски... все цвета... все это железное небо медленно падало на меня и давило». Первые детские столкновения с необратимыми потерями – от расставания с куклами до безвозвратного ухода отца на фронт – преждевременно активизировали в героях процесс самопознания, приоткрывали им трагедийную подоплеку внешних событий: «Так началась война... Жизнь мгновенно изменилась... Стал другим быт... Детство кончилось... С первыми выстрелами... Во мне еще жил ребенок, но уже рядом с кем-то другим...»

¹ Аннинский Л.А. Оглянуться в слезах. Божье и человечье в апокалипсисах Светланы Алексиевич: alexievich.info/wp-content/uploads/Anninsky.pdf (дата обращения: 17.03.2020).

² Текст произведения С.А. Алексиевич цитируется по электронному источнику: azbyka.ru/fiction/poslednie-svideteli-solo-dlya-detskogo-golosa/ (дата обращения: 17.03.2020).

Практика выживания ребенка в военные годы, его прохождение через потерю родителей, блокаду, эвакуацию, детские дома, немецкие концлагеря, через тягостное лицемерие врага воплотились в произведении Алексиевич не в линейности событийного ряда, а в запечатленной самими «свидетелями» «мозаике уникальных следов войны»¹, в отобранных их памятью сюжетных ситуациях, «небольших рассказах, обрывках воспоминаний»², что подтолкнуло автора, в противовес идеологическим мифам, погрузиться в глубины коллективной и «индивидуальной памяти об исторической травме»³.

Ассоциативность детских восприятий позволяет персонажам и спустя годы подробно рассказать о «запахе» войны, как будто вопреки повсеместному разрушению соединенном с весенним цветением («А сирень так цвела в том году... А черемуха так цвела...»); «вживаться» в «состояние» земли, «ощущающей» продвижение врага («даже земле больно, когда они идут... дрожит земля, дрожит наш дом»); образно прочувствовать вызванные войной нарушение цветовой гаммы, вытеснение света тьмой: «Из тех дней... Помню отдельными проблесками... Все помнится в черном цвете: черные танки... так оно лежит в моей памяти... белый снег превращался в черный... воспоминания в темном цвете... отдельными картинками». Скрупулезное воссоздание «отнимаемой» войной *жизненно необходимой вещественности мира* проступает в воспоминаниях о том, как в сгоревшем доме «находили в золе ком соли... глину, смешанную с солью»; как, рискуя и ужасаясь тем, что вокруг «люди онемели и оглохли, ходили с испуганными глазами», дети прятали от немцев дорогие символы – пионерский галстук и буденовку; как все детство хотелось «маму с папой и конфет».

Сделанное одним из рассказчиков психологическое обобщение о поврежденной войной, лишенной полутонов детской памяти («не помню лиц, не помню слов...»), в которой отпечатывались лишь мучительные противоположности, «только страх или хорошее», подкрепляется у Алексиевич голосами и иных «свидетелей». Вещественная явь военных сцен обретает в их повествованиях апокалиптические черты – в эпизодах, когда «горел наш дом, горела наша мама», а при бомбежке кладбища «покойники лежали наверху... как будто еще раз убитые»; когда «казалось, что наши куры кричат... Как люди... Человеческими голосами». Продвижение мимо сожженных деревень знаменовало в глазах ребенка встречу с одинокой, одичавшей землей, образ которой возвышается до эпического символа всеобщего распада: «Жито не сжато, картошка растет. Яблоки лежат на земле. Груши... А людей нет. Кошки и собаки бегают. Одинокие... Людей нет. Ни одного человека. Голодные кошки...» Безысходность от того, что «самолеты нас расстреливают», влекла детскую натуру к сказочному бегству из человеческого мира, исподволь актуализировала архетип спасительного перевоплощения: «Самолеты еще страшнее, бомбы еще страшнее. Я помню, как завидовал жучкам: они такие маленькие, что всегда могут где-нибудь скрыться, в землю заползут... Мне представлялось, что когда умру, то стану зверем, убегу в лес».

В калейдоскопе ситуативных детских впечатлений от войны, увиденной, например, «с дерева», когда «залезали на деревья и наблюдали за воздушными боями с высоких елок», или в косвенных ассоциациях с природой Средней Азии, где оказались в эвакуации и «не сразу поняли, что и здесь война», или в том, как

¹ Ушакин С. Осколки военной памяти: «Все, что осталось от такого ужаса?» [Рец. на кн.: Алексиевич С. Последние свидетели: соло для детского голоса. М., 2007]: magazines.gorky.media/nlo/2008/5/oskolki-voennoj-pamyati-vse-chto-ostalos-ot-takogo-uzhasa.html (дата обращения: 17.03.2020).

² Там же.

³ Там же.

кто-то «запомнил еду сорок третьего года», или в образе «усталого» врага, умершего прямо в колонне пленных, – в произведении прочерчивается *магистральная смысловая линия противления души хаосу и небытию*. Физически прикасаясь к реальности смерти – в концлагере, где «дотронусь ночью до холодной руки и уже понимаю, что человек умер», или в госпитале, когда «слышала под своей рукой, как у него остановилось сердце», – многие герои в то же время вдохновлялись мечтой «попасть на фронт», с надеждой «ждали конца войны, это была такая желанная мечта, что мы с мамой даже боялись о ней говорить», порой вопреки велениям атеистической современности приближались к религиозному мировидению: «Я научилась молиться... Часто вспоминаю, как в войну я научилась молиться... Сказали – война, я, и это понятно, в пять лет не воображала никаких картин. Никаких страхов. Но от страха, именно от страха, уснула. И спала два дня. Два дня лежала, как кукла. Все думали, что я умерла. Мама плакала, а бабушка молилась. Она молилась два дня и две ночи...»

Как и в книге «У войны не женское лицо», в «Последних свидетелях» *героика войны и Победа предстают в обыденном человеческом восприятии, вне идеологизированного триумфализма*. Так, день Победы отложился в памяти тогда семилетней Таисы Насветниковой в призме бытовых, жестовых, речевых подробностей, в волнительном взаимопроникновении ликования, растерянности и скорби: «Девятого мая мы проснулись утром оттого, что в подъезде кто-то очень сильно кричал. Было еще совсем рано. Мама пошла узнать, что случилось, прибежала растерянная: «Победа! Неужели победа?» Это было так непривычно: война кончилась, такая долгая война. Кто-то плакал, кто-то смеялся, кто-то кричал... Плакали те, кто потерял близких, радовались оттого, что все-таки это – Победа! У кого-то была горстка крупы, у кого-то – картошка, у кого-то – свекла, – все сносили в одну квартиру. Я никогда не забуду этот день... В войну все почему-то говорили тихо, мне даже казалось, что шепотом, а тут все вдруг заговорили громко». В бесценных личных свидетельствах весть о Победе вплетается в текст повседневности, высветляет потаенные стороны мироощущения и не высказанные прежде чаяния простых участников истории. Для Людэ Андреевой Победа обещала возвращение потерянного детства: «Первый салют... Люди выбежали на улицу, а мы с мамой спрятались в яме. Сидели там, пока не пришли соседи: «Вылезайте – это не война, а праздник Победы». Как захотелось детских игрушек! Детства захотелось...» Четырехлетним же Арсением Гутиным Победа была встречена как вдохновляющее начало «взрослой» жизни: «В День Победы мне исполнилось четыре года... С утра я стал всем говорить, что мне уже пять лет. Не пятый год, а пять лет. Хотел быть большим. Папа вернется с войны, а я уже большой... Я долго ждал папку. Всю мою жизнь...» Память Андрея Толстика, пережившего потерю матери на войне, в точности зафиксировала, что «слово “Победа!” услышали, когда собирали на лугу щавель. Все дети взяли за руки и так бежали к деревне...»

Долгая послевоенная память персонажей наполнена раздумьями о причиненных войной потерях и душевных травмах, обобщениями о пройденном пути, которые укоренены в сновидческих глубинах, где «нет грани между призраками и людьми, между живыми и мертвыми»¹: «Сон о первом убитом немце... сон преследовал меня десятки лет... мне снится война... мне потом часто снились эти самолеты...» Как замечает одна из рассказчиц, «я вспоминаю о войне, чтобы понять», и, хотя «годы прошли... поняла о войне не намного больше, чем тогда,

¹ Аннинский Л.А. Оглянуться в слезах. Божье и человек в апокалипсисах Светланы Алексиевич.

когда была ребенком». Экспрессивная, творимая, по признаниям персонажей, на пределе душевных и физических сил¹ летопись прошлого («Сильно волнуюсь... Я уже столько своих друзей похоронил... У меня голос пропадает, когда я об этом рассказываю...») балансирует между противоположными импульсами: «хочу все забыть» – и «ночью, бывает, проснусь... Хочу вспомнить». Раннее столкновение с потерями, опыт сиротства, скитаний и голодной жизни воздвигли в их картине мира с трудом преодолеваемые стереотипы и барьеры: «Мне уже 51 год, у меня есть свои дети. А я все равно хочу маму», хлебом «никак не могу... наесться... за десятки лет». Под знаком жестокости и смерти некоторыми из них воспринимаются детские сказки, где им особенно заметно, «как много там убивают. Много крови», в фильмах «запоминала смерть»; чувство непреодолимости «детского страха» порой приводит к ощущению, что «никогда не могу быть до конца счастливой». В пронзительной саморефлексии ставшего архитектором Васи Харевского война предстает как личный, во многом деформировавший его сознание «учебник истории», поскольку из-за нее он «пропустил время детства... я человек без детства, вместо детства у меня была война... За войну ни одной детской вещи не видел. Забыл, что они где-то существуют... Забыл, потому что вырос на войне». Подобные раздумья отдают подчас *нотами крайнего одиночества и даже метафизического бунта*, как, например, в монологе шофера Юры Карповича: «Я вырос с этим... Я вырос мрачным и недоверчивым, у меня тяжелый характер. Когда кто-то плачет, мне не жалко, а, наоборот, легче, потому что сам я плакать не умею. Два раза женился, и два раза от меня уходила жена, никто долго не выдерживал. Меня трудно любить. Я знаю... Я сам знаю... Прошло много лет... Теперь я хочу спросить: а смотрел ли на это Бог? И что он думал...»

Общей для ряда персонажей оказывается *оценка войны как источника разрушительной силы отчуждения* и от собственной жизни («Из-за войны я прожила другую жизнь... свою и не свою»), и отчасти от окружающего мира: по свидетельству рассказчицы, пережившей расстрел близких немецкими солдатами, «с того времени боюсь молодых мужчин. Всю жизнь одна живу». Комплекс отчуждения распространяется нередко и на восприятие персонажами военного прошлого, проявляясь то в болезненной реакции на детское чтение стихов о войне на школьном концерте, то в размышлениях о том, что «в военный музей мама ни разу меня не водила... у нас в доме до сих пор нет ни одной военной книжки».

Вместе с тем *пытливый анализ военного опыта*, продиктованный тем, что «в войне... интересует необъяснимое... не перестаю о ней думать», мог выводить к благодарному осознанию того, как родители и взрослые «заслонили нас» от многих ужасов; на войне «что-то с нами случилось», «мы перестали бояться смерти», хотя и по сей день не забывшийся эпизод с немецким летчиком, который «развлекался» автоматной очередью, заставляет возвращаться к мыслям о том, «жив ли этот летчик... и что он вспоминает и как рассказывает». «Что у меня осталось с войны?» – задается вопросом повар Нина Шунто и приходит к просветляющему постижению неизбывного родства прошедших через военные испытания людей: «Я не понимаю, что такое чужие люди, потому что мы выросли с братом среди чужих людей. Нас спасли чужие люди. Но какие же они мне чужие? Все люди свои. Я живу с этим чувством...» Внутреннее изживание детских потрясений, об-

¹ Муминов В.И. Средства выражения максимальной экспрессии в повести С. Алексиевич «Последние свидетели»: cyberleninka.ru/article/n/sredstva-vyrazheniya-maksimalnoy-ekspressii-v-povesti-s-aleksievich-poslednie-svideteli/viewer (дата обращения: 17.03.2020).

ретение способности радоваться пусть и «через десятки лет после войны» становится темой размышлений некоторых персонажей и особенно примечательно выражается в парадоксах творческого опыта художника Леонида Шакинко, который ребенком стал очевидцем расстрела и чудовищно «аккуратного» закапывания в яму четырнадцати человек: «Через двадцать дней разрешили убитых раскопать. Взять в семьи и похоронить. Вот тогда закричали бабы, заголосила вся деревня. Запричитала. Я много раз натягивал холст... Хотел это нарисовать... А получалось другое: деревья, трава...»

Этически и исторически весома итоговая в книге Алексиевич *самоидентификация героев в качестве не только травмированных жертв истории, но и последних – после ухода поколения родителей – ответственных свидетелей той войны перед потомками и вечностью*: «Мы ощутили, сразу почувствовали, что мы – последние. У той черты... У того края... Мы – последние свидетели. Наше время кончается. Мы должны говорить... Мы думали, что наши слова будут последними...»

Итак, живое собеседничество со «свидетелями» истории формирует в книге С. Алексиевич объемную, ориентированную прежде всего на масштаб частной, семейной жизни картину военной и послевоенной действительности. «Выпуклость» и экспрессия детских восприятий, первых столкновений с войной оригинально сочетается в звучащих голосах со зрелыми оценками и обобщениями, раздумьями о хитросплетениях человеческих судеб, возможностях сохранения целостной «биографии» в пору катастроф, о противостоянии и тайной сопряженности личного и исторического времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексиевич С. Последние свидетели (соло для детского голоса): azbyka.ru/fiction/poslednie-svideteli-solo-dlya-detskogo-golosa/ (дата обращения: 17.03.2020).

2. Аннинский Л.А. Оглянуться в слезах. Божье и человеческое в апокалипсисах Светланы Алексиевич: alexievich.info/wp-content/uploads/Anninsky.pdf (дата обращения: 17.03.2020).

3. Латкина Т.В. К вопросу об определении жанра произведения Светланы Алексиевич «У войны не женское лицо» // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2 (часть 1): science-education.ru/ru/article/view?id=20682 (дата обращения: 17.03.2020).

4. Муминов В.И. Средства выражения максимальной экспрессии в повести С. Алексиевич «Последние свидетели»: cyberleninka.ru/article/n/sredstva-vyrazheniya-maksimalnoy-ekspressii-v-повести-s-aleksievich-poslednie-svideteli/viewer (дата обращения: 17.03.2020).

5. Ушакин С. Осколки военной памяти: «Все, что осталось от такого ужаса?» [Рец. на кн.: Алексиевич С. Последние свидетели: соло для детского голоса. М., 2007]: magazines.gorky.media/nlo/2008/5/oskolki-voennoj-pamyati-vse-chto-ostalos-ot-takogo-uzhasa.html (дата обращения: 17.03.2020).

REFERENCES

1. Alexievich S. Last Witnesses (Solo for Children’s Voice): azbyka.ru/fiction/poslednie-svideteli-solo-dlya-detskogo-golosa/ (date accessed: 17.03.2020).

2. Anninsky L.A. Look Back in Tears. God and Man in the Apocalypses of Svetlana Alexievich: alexievich.info/wp-content/uploads/Anninsky.pdf (date accessed: 17.03.2020).

3. Latkina T.V. On the Question of Determining the Genre of the Work of Svetlana Alexievich “The War is not a Female Face”. Modern Problems of Science and Education. 2015. No 2 (part 1): science-education.ru/ru/article/view?id=20682 (date accessed: 17.03.2020).

4. Muminov V.I. Means of Maximum Expression in S. Alexievich's Novel "Last Witnesses": cyberleninka.ru/article/n/sredstva-vyrazheniya-maksimalnoy-ekspressii-v-povesti-s-aleksievich-poslednie-svideteli/viewer (date accessed: 17.03.2020).

5. Ushakin S. Fragments of Military Memory: "All that Remains of Such a Horror?" [Alexievich S. Last Witnesses: Solo for Children's Voice. Moscow, 2007]: magazines.gorky.media/nlo/2008/5/oskolki-voennoj-pamyati-vse-chto-ostalot-ot-takogo-uzhasa.html (date accessed: 17.03.2020).

Сведения об авторе:

Илья Борисович Ничипоров,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Iliia B. Nichiporov,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

il-boris@yandex.ru